

Апрель 2003 г.

Моё письмо Мите от 9 апреля 2003 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Вот тебе отчёт о моей поездке в Калининград.

Отправился туда я Питерским поездом во вторник 25-го марта. Ехал в плацкартном вагоне, на верхней полке, а нижние занимали мама и бабушка очаровательного Юрочки (год и восемь месяцев), с которым мы строили друг другу глазки, а другой дядя с боковой полки делал ему «козу», что приводило Юрочку в состояние неистового восторга. До Петрозаводска в нашем вагоне ехала большая группа школьниц, а далее освободилось много боковых мест, и я смог спокойно заниматься французским, в основном письменными упражнениями.

В Питер поезд прибыл в 12.35. Я перебрался с Московского вокзала на Витебский, сдал там сумку в камеру хранения, и пошёл пешком по Гороховой в сторону Адмиралтейства. В районе Большой Морской мне приспичило в туалет, и я попытался найти его в бывшем здании «Аэрофлота», но попытка оказалась неудачной, как и ряд следующих, в ходе которых я кружил между Мойкой, Конюшенной площадью, Невским проспектом и каналом Грибоедова, пока, наконец, не нашёл искомое в ж/д кассах у Казанского собора. Все остальные известные мне общественные туалеты (адреса которых, кстати, до сих пор можно прочесть на дверях одной по дворотни на Мойке, я и бегал по этим адресам) переоборудованы в бары и т.п. заведения. По ходу этого пробега я не уставал ужасаться виду этой части города, как бы ремонтируемой к юбилею (как и оба упомянутых вокзала). Трудно поверить, что за оставшееся время всё это можно привести в порядок: дома в лесах, дороги разворочены – предъюбилейная разруха.

В 18.14 отправился в Калининград, опять же в плацкартном вагоне, и с утра был один в своём «купе». На границах с Литвой поезд стоял по сорок минут с обеих сторон, досмотры и проверки документов проходили без эксцессов. В Калининград поезд прибыл в 20.04 местного времени. На вокзале меня встречали Ирина, Ваня и Алёша, а Михаил, которому в это день (27 марта) исполнилось 18 лет, ждал дома с натёртыми якобы ногами. Он заметно раздался в теле: грудные мышцы выросли, шея потолстела, стал на «братка» похож, со своей короткой стрижкой тем более.

Гостей по случаю Мишиного дня рождения – кроме меня – не было. На Пугачёва все болели, а с приятелями Миша собирался пойти куда-то в субботу. Ирина, чувствовалось, с некоторым напряжением ожидала мою реакцию на произведённый ею ремонт прихожей, туалета и кухни. Я высказался в том смысле, что выглядит всё красиво, и маме бы понравилось. От меня она уже сколько лет поддержки не получает в её желании отремонтировать нашу квартиру в Мурманске. На это Ирина заметила, что зато некоторые предпочитают по Италиям разъезжать, тогда как другие вот ремонты делают. Я не стал развивать эту тему, согласившись, что каждому своё, разумеется.

Я привёз в Калининград два пакета сушёных грибов – прошлогоднего и позапрошлогоднего (! – не успеваем съесть) урожая, кусок своей сёмги, двух небольших и одного крупного палтуса. Несмотря на жару в поездах, рыба не испортилась, но большой палтус испустил много жира и размяк, вкус, однако, сохранился нормальный. Мы отметили Мишин день рождения в семейном кругу, причём Михаил только чуть пригубил марочного крымского хересу и даже не допил рюмку.

Когда он и Ирина ушли спать, Иван мне жаловался на кухне (и просил Ирине не говорить), что он случайно узнал в университете (от Таранова, кажется), что Михаил прогуливает занятия и накопил уже какие-то долги по лабораторным работам и решениям задач. История с английским, лишившая Михаила стипендии, его ничему, похоже, не научила. Да плюс ещё Ванина репутация в университете страдает, его же там знают все. И, главное, прогуливает-то без особых причин, так, по разгильдяйству. Я обещал Ване разобраться со старшим внуком, провести с ним воспитательную беседу.

И на следующий день с утра выполнил своё обещание, выдав виновнику предварительно подарочные деньги от себя, дополнительные к тем, которые ему бабуля Саша посылала.

- Миша, - говорю, - ну что ты себя как дитя малое ведёшь, такой лоб здоровый! Вместо того, чтобы денежки домой приносить в помощь родителям – мать вон как у тебя крутится, ты по разгильдяйству стипендии себя лишил, на полное иждивение перешёл, добро бы подрабатывал где. Отца позоришь в университете своими прогулами. И, главное, кто потом у тебя твои долги по лабораторным будет принимать? И когда? У преподавателей время выделено на каждую группу, и за пределами этого времени они ни с кем не обязаны нянчиться, у них и так нагрузка сумасшедшая. Не сделал или не защитил работы вовремя – не получил допуска к экзамену и - свободен! Ступай в армию служить, стране солдат не хватает. Я у себя на кафедре преподавателям настоятельно рекомендую не жалеть балбесов, когда они перед сессией начинают ныть: а когда можно работы сдать? А никогда. Поезд ушёл. Вам было время отведено. И вас предупреждали. Не вняли? Ну, так пусть вас теперь армия уму-разуму учит.

И вообще: выбрал профессию, не теряй времени, изучай предмет, углубляйся. Иначе потом удовольствия от работы получать не будешь, а на работе большую часть жизни проводить приходится.

Интересно всегда делать то, что получается, а чтобы получалось – надо с детства привыкать напрягаться, тренироваться. Это ведь везде так – хоть в музыке, хоть в футболе, хоть в науке, да и в любом вообще деле.

Миша не оправдывался. Пробормотал только, что он уже почти рассчитался с долгами по лабораторным. Слушал внимательно. Вообще-то он на меня произвёл приятное впечатление. Разговаривает спокойно, доброжелательно, даже с Алексеем они без особых скандалов компьютер делят, и не пререкается с Ириной, когда она орёт на него, потеряв терпение (а теряет его она – увы! – частенько). Но вот увлечения у него детские: в компьютере на самолётах летать да книжки про Люфтваффе читать. Девочки вроде бы пока его особо не интересуют, во всяком случае заметных проявлений этого не видать.

Побеседовав с Мишей, я отправился в поход по Гришиным делам.

Начинать следовало с нотариуса по наследственным делам умерших, чьи фамилии начинаются на букву «Н», Каташевич, с которой я уже связывался по телефону из Мурманска. Адрес её мне был известен: переулок Киевский, 1, но где этот переулок находится, из наших никто не знал, и на карте города его тоже не оказалось. Предположив, что это где-нибудь в районе Киевской улицы и двинув туда на автобусе, я угадал: оказалось – неподалёку от кино театра «Родина». Отсидев часа полтора в очереди, я, наконец, попал к Каташевич и начал процесс введения Гриши в наследство.

Прежде всего выяснилось самое главное: меня никто не опередил, Гришино заявление о принятии наследства и об отмене всех его предыдущих нотариальных документов, составленных до ноября прошлого года (каких именно – сам не помнит), находится в наследственном деле Тамары Сергеевны, и квартира вроде бы никому не продана, а остаётся зарегистрированной на имя Тамары Сергеевны. Изучив Гришину доверенность на моё имя, Каташевич повторила то, что уже говорила мне по телефону, когда я звонил из Мурманска: почему в одной доверенности всё смешано, надо было делать разные – отдельно на регистрацию квартиры, отдельно на продажу. Я ответил, что мурманский нотариус считает иначе, не могу же я быть судьёй в их споре, и, во всяком случае, до продажи ещё далеко.

Со слов Каташевич я записал перечень документов, которые мне нужно собрать (у Гриши-то всё абсолютно спёрли, кроме его паспорта, с которым его в Мурманск отправили самолётом), необходимые адреса и телефоны, и отправился в расположенное неподалёку Бюро приватизации. Там не было никакой очереди, но время было обеденное. Тем не менее, меня там приняли (две общительные женщины предпенсионного возраста) и весьма доброжелательно растолковали, что я должен дальше делать. Одну справку (копию Договора приватизации) они мне подготовят сами к четвергу, а, чтобы получить техпаспорт на квартиру, я должен допустить туда инспекторов из Бюро технической инвентаризации (БТИ). Они меня, точнее, квартиру на Портовой вставят в список для осмотра на среду, а я должен обеспечить туда доступ, то есть сидеть там целый день и ждать инспекторов.

- Да вот я сам туда пока попасть не могу. Там живёт неизвестно кто, и ключей от квартиры у меня нет. Я вчера только приехал и не успел ещё разобраться со всеми этими делами.

- Тогда на улице ждите инспекторов. Мы им скажем, что у Вас такая ситуация.

Следующей инстанцией стал ЖЭК, к которому квартира приписана. Я нашёл его на улице Багратиона неподалёку от городских ворот, за которыми улица Суворова начинается. Я опять попал в обеденный перерыв, и ЖЭК был закрыт. В ожидании его открытия я решил подкрепиться чем-нибудь сам, купил копчёной салаки и бутылку пива и занялся поисками места, где бы можно было употребить купленное. Скамеек никаких поблизости не было, зато моё внимание привлекло огромное поваленное дерево на пригорке между «воротами» и Кассами Аэрофлота, к которому я и устремился с пивом и салакой. За деревом, однако, обнаружилась помойка, но мне было уже некогда искать более приятное место, и я употребил салаку с пивом, используя дерево в качестве стола для бутылки и пакетика с салакой. Видела бы меня Сашуля тут, в этом пейзаже: профессор пиво пьёт на помойке!

В открывшемся ЖЭКе я выяснил, что нужные мне справки выдаёт паспортистка, которая будет завтра с утра. Там же я узнал, где находится военкомат Балтрайона – в самом конце Киевской, и отправился туда, чтобы попробовать раздобыть там какие-нибудь копии Гришиных документов. Оказалось, что искать их нужно в 3-м отделении, в котором принимают по понедельникам.

Вернулся домой и позвонил в первый раз на Портовую. Ответил молодой женский голос (по словам Гриши, но не очень уверенным, там сейчас дочка этой бабы-«адвоката» - главаря банды живёт). Я представился как Гришин сводный брат и поинтересовался, кто и почему живёт в его квартире. Трубка была передана пожилому, судя по голосу, мужчине, который ответил мне, что по интересующим меня вопросам я должен обратиться к Тамаре Александровне по такому-то телефону после девяти вечера.

Звоню туда после девяти. Отвечает сама, «адвокат» то есть, та самая, про которую Гриша рассказывал. И с ходу на меня бочку покатила:

- Где этот Григорий? Что это за фокусы такие? Где этот аферист? Что это за отказ от доверенностей? Я на квартиру арест наложу! Он у полгорода денег назанимал! У меня его нотариальные расписки есть! Я ему лично в карман куртки триста тысяч клала и застегнула, когда в Мурманск отправляла! Остальные деньги – пять тысяч долларов - он должен был потом получить. Мне машину из-за него разбили!

С трудом мне удалось вклиниться в это словоизвержение.

- Тамара Александровна! Возможно, нам с Вами судиться придётся. Но, может, стоит попытаться сначала дело миром уладить?

- Хорошо. Давайте встретимся.

- Давайте. Когда? Мне, чем раньше, тем лучше, поскольку я не могу тут долго задерживаться.

- Ну, давайте завтра. В тринадцать часов.

- Хорошо. Где?

- Где-нибудь в центре. Давайте, у гостиницы «Калининград», на ступеньках крыльца.

- Устраивает. Там, кстати, можно и поговорить в вестибюле.

- Ой, нет. Там сейчас такая охрана крутая, не пустят. Лучше в кафе где-нибудь.

- Ладно. Там решим на месте.

- А как я Вас узнаю?

- Среднего роста с усами. Я буду в светлой куртке с коричневым воротником и с чёрной сумкой на боку.

На этом распрощались. Про приметы Тамары Александровны я спрашивать не стал. Триста тысяч за квартиру, якобы положенные ею в Гришин карман перед отлётом, произвели на меня впечатление. Что, она меня за идиота считает, который такой туфте поверит? Или сама идиотка, если считает, что Грише можно вообще какие-либо деньги в руки давать? Почему не на книжку ему положила? Почему не предупредила Люсю, что он везёт деньги? Можно ещё кучу вопросов задать, если поверить, что она, действительно, отправляла Гришу в Мурманск с деньгами.

А вот расписки у неё, может быть, и есть. Их можно кучу наделать, если образец подписи имеется. Так или иначе, основная задача теперь – увидеть эти расписки или что там у неё есть, любые Гришины обязательства, чтобы знать, на что она претендует, и оценить правомерность этих претензий. Кто его знает, может, Гриша и в самом деле всё давно уже пропил к чёртовой матери.

На следующий день, в субботу 29 марта, я с утра отправился в ЖЭК, где получил справки о проживании Гриши и Тамары Сергеевны на день её смерти, а Гриши и по сей день в квартире 9 по улице Портовой, 21. Никаких претензий по неуплате за квартиру мне предъявлено не было, значит, проживающие там платят, или, может, паспортистка не в курсе.

Вернувшись домой, я предложил Михаилу пойти со мной на встречу с «адвокатом», просто понаблюдать со стороны, мало ли что. И Ваня обещал к часу подъехать из кирхи (он там срочно экземпляр диссертации распечатывал, чтобы отвезти в измирановский совет) с той же целью – проконтролировать ситуацию. Миша, поколебавшись, согласился. – А что я там буду делать? – Да ничего, милицию звать, если меня куда потащат. А я потом в мемуарах главку напишу: «Как дедушка и внучек «на стрелку» ходили». На встречу с бандитами, значит.

Мы вышли из дому пол-первого и пошли в сторону гостиницы «Калининград» по левой стороне улицы Фрунзе мимо скопища машин у автостоянки перед Домом Советов. Я Мише говорю: - Нам там у гостиницы от машин надо держаться подальше, а то под ручки возьмут, в машину сунут и увезут как Гришу куда-нибудь за город беседовать, а нам это надо?

Без десяти час мы с Мишей остановились под деревьями у магазинчиков «Старой башни» прямо напротив гостиницы «Калининград», чтобы изучить обстановку. На ступеньках крыльца гостиницы никого не было, а справа у входа в ресторан рядом с машиной стояли пятеро мужчин и одна женщина, невысокая полненькая брюнетка в красном пальто.

- А вот это она, наверное, и есть, - сказал я Мише. – Ишь, какое сопровождение с собой взяла. Это что, всё Гришины кредиторы, что ли? Давай-ка понаблюдаем за ними. Подойдём поближе. А ты Ваню высматривай.

Я отдал свою чёрную сумку Мише (он был в чёрной куртке), и мы пошли по пешеходному переходу на угол Ленинского проспекта и Центральной площади, но на углу повернули не направо к крыльцу гостиницы, а налево, прошли мимо «Ромашки» и остановились у газетного киоска перед аптекой. Там я купил «Новую газету» и посмотрел в сторону крыльца – на нём никого не было. Тогда мы с Мишей перешли на противоположную сторону Ленинского проспекта и двинулись в обратном направлении. Дошли до подземного перехода перед эстакадным мостом, перешли по нему к площади и опять остановились у магазинчиков «Старой башни» напротив гостиницы «Калининград», поменявшись ещё и куртками.

У машины напротив ресторана оставались трое, потом они куда-то исчезли. Брюнетка в красном пальто с двумя мужчинами поднялась на крыльцо, один прошёл в вестибюль, второй остался на крыльце, но не рядом с брюнеткой, а в сторонке. Брюнетка расхаживала по крыльцу, явно кого-то ожидая. Никаких сомнений в том, что это и есть Тамара Александровна, у меня не оставалось. Кроме неё и её сопровождающих поблизости вообще никого больше не было. Прошло уже 15 минут после назначенного срока, вон и Ваня появился.

- Миша, - сказал я внуку, - нехорошо не являться на свидание с дамой. Но мне что-то расхотелось с ней встречаться. Ну её на фиг. Пошли домой.

Вчерашний телефонный разговор и сегодняшнее появление дамы с таким сопровождением прояснили ситуацию лишь в том смысле, что Тамара Александровна тот ещё фрукт, и не зря, наверное, Гриша её главарём бандитов считает. А с бандитами пусть лучше милиция разбирается. Или другие

бандиты. Она грозила арест на квартиру наложить? Вот и хорошо. Пусть накладывает. Тогда и выяснятся её претензии. Всё же лучше, наверное, судебные разбирательства чем бандитские разборки. Хотя в нашей-то стране по всякому, конечно, бывает.

Вечером смотрели футболы: позорный матч Албания – Россия (3:1) и весёлую игру Украина – Испания (2:2).

А воскресным утром Серёжа Лебле появился, и мы гуляли по чудесной весенней погоде в компании с ним, Ириной, Ваней и Алёшей в районе между Верхним озером и улицей Александра Невского, застраиваемым новорусскими особняками и кондоминиумами, на которые Ирина поглядывала, завистливо вздыхая:

- Вот бы нам в таком пожить, и чтобы Вы, Сергей Борисович, с Аней нашими соседями были!

Из-за продолжающегося строительства территория вокруг особняков ужасно захламлена, сплошная помойка, а по ней в облаке пыли «Мерседес» серебристый плывёт, качаясь, братки едут бритоголовые – блеск картина!

Идём к Кореньковым, 3 марта 2003 г.

У Кореньковых, 3 марта 2003 г.

Вечером с Серёжей, Ваней и Ириной ходили в гости к Кореньковым, совсем чего-то забуревшим, и Нинка толстая тоже стала. У них основная проблема – Юрина мама, совсем из ума

выжившая, от которой приходится кухню на ключ запиравать, чтобы не ела беспрерывно всё подряд, и дорожки клеёнчатые в её комнату стелить. Узнали, что Саенко и со второй женой развёлся, а у Дениса две дочки, и младшая на него очень похожа.

На этом, сынуля, прерываюсь. Пишу письмо уже третий день с перерывами. Сейчас поеду маму вывозить с лыжами ко второму КП на остатки снега, сегодня плюс девять обещают. В поне дельник продолжу отчёт.

Моё письмо Мите от 14-15 апреля 2003 г.

Продолжаю свой отчёт.

Как ты уже знаешь из нашего телефонного разговора, закончив предыдущее письмо, я отправился на машине с работы домой и тюкнулся левой фарой в столб, подпирающий бетонный козырёк нашего подъезда. Путаю педали. Позорный, но факт. До сих пор машина от гаража страдала, теперь и от подъезда ей досталось. А так ведь можно и на человека наехать, не дай Бог, или на встречную машину. Пришлось вместо того, чтобы маму везти ко второму КП, ехать к ремонтникам, ближайшим к моему гаражу (на углу Свердлова и Верхнеростинского шоссе). Берутся чинить за сто баксов, а если заодно левое переднее крыло, гаражным верстаком помятое, выправлять, то ещё 80. И только во вторник скажут, когда машину пригонять.

«Обрадовав» маму новостью, я уговорил её всё-таки пойти пешком с лыжами на нашу стандартную стартовую площадку у кольца 29-го автобуса, и оттуда мы на лыжах прошлись сначала, как обычно, к левому краю Большого Питьевого озера, потом по нему до КП2, затем в Долину пенсионеров и оттуда напрямки через Б.Питьево к дому. В основном шли коньковым ходом (и мама очень устала, а я почему-то нет) при температуре до +9 градусов (!). Такая тёплая погода три дня уже стоит. Днём всё тает, ночью подмораживает, пару раз приходилось гаражные ворота изо льда вырубать (вода стекает в лужу перед воротами, и к утру замерзает).

А вчера, то есть в воскресенье, мы с мамой опять ходили ко второму КП2 с заходом оттуда на «марафонку», и в этот раз мама уже меньше устала, хотя прошли мы больше, чем в субботу. Солнце пекло вовсю, и мы заметно загорели. Скольжение, как ни странно, очень даже хорошее, особенно при коньковом ходе, при том, что снег пропитан уже водой, и ботинки промокают.

Вечером мы с мамой ходили на концерт «Терем-квартита», о чём мама тебе сама написала уже.

Вчера же я договорился по телефону с другим специалистом по ремонту кузовов (по газетному объявлению), обещал сделать быстрее и дешевле. Мама меня спросила: - Это частник?

Я рассмеялся: - А что не частники бывают?

Мама ответила, что имела в виду: он у себя в гараже ремонтирует или в мастерской? А то погонишься за дешёвизной, а тебе тят-ляп и сделают. Оказалось – в гараже, у Долины уюта, куда я машину уже отогнал сегодня утром. Я попросил Максима (ремонтника, работавшего раньше в автосервисе, а теперь действующего самостоятельно) самому купить мне бампер и краску, и тогда определится полная цена, тысячи четыре рублей, наверное, за всё, включая крыло.

Сашуля, 11 апреля 2003 г.

Но вернёмся в Калининград.

В понедельник, 31 марта с утра я ездил в военкомат, где в принципе можно было бы получить справку о прохождении Гришей воинской службы, что он военный пенсионер – капитан МВД запаса, но и то только через военкома, которого не было на месте. Затем сберкасса, в которой у Гриши был счёт, на который ему пенсию перечисляли. Люся просила узнать, сняты ли оттуда деньги, начисляется ли пенсия. Без Гришиной сберкнижки мне ничего не хотели сообщать, невзирая на Гришины доверенности, но всё же дали понять, что пенсия начисляется, и с сентября с книжки ничего не снималось.

Где-то к часу дня я приехал в кирху на заранее назначенный семинар по обмену научными достижениями. Пообщался сначала с Шагимуратовым, который пожаловался на пришедшее из ИЗМИРА на распоряжение сократить трёх человек (из 31 – это 10 процентов!) в преддверии обещанного бюджетникам повышения зарплаты. Затем семинар начали с Кореньковым, Клименко, Иваном и Фёдей Бессарабом, а чуть позже Суроткин подъехал.

Я подробно рассказал обо всём наделанном с Сашулей, Олегом и моими аспирантами и студентами за год, прошедший с последнего моего аналогичного выступления в кирхе, о сотрудничестве с Ларисой Гончаренко из Миллстоун Хилла, презентующей в Штатах и в Интернете наши результаты в сопоставлении с данными установок некогерентного рассеяния, которые она курирует по одному из проектов (совместное теоретическое и экспериментальное исследование магнитных бурь апреля 2002-го года, предсказанных заранее и наблюдавшихся координированно множеством средств по всему земному шару и в космосе).

Результатов за год, действительно, получено много разных и интересных, и большинство из них было воспринято моими бывшими учениками и коллегами спокойно-одобрительно, без придинок, по крайней мере. А к одному из них – тому, чем Маша Князева занимается: появлению и исчезновению плазменных трубок повышенной плотности в плазмосфере Земли – ребята отнеслись агрессивно-подозрительно: не может, мол, такого быть, не верим. Особенно Фёдя Бессараб изгалялся:

- У нас такое раньше в расчётах тоже было, а потом Володя Клименко нашёл ошибку в программе, и всё исчезло!

- Но я, Фёдя, сейчас даже не про расчёт говорю, а физическую идею излагаю, которую подтверждают как экспериментальные данные, так и наши расчёты. А про все ошибки в программе вы раньше как будто бы нам сообщали, и мы всё исправляли вслед за вами, хотя я сейчас и не помню, о какой ошибке идёт речь.

Но Фёдя даже и не слушал ничего, а твердил только: - Это у вас ошибка в программе и всё!

Я даже опешил от такой Фединой невежливости, до неприличия прямо: что, я препираться по поводу программ сюда приехал? Несерьёзный разговор какой-то, как дети малые себя ведут.

В общем, погалдели про трубки повышенной плотности и остались при своих мнениях.

И как обычно уже стало в последние годы: я выступал часа три (с вопросами и обсуждениями), а они свои результаты за пять минут представили. Не работают практически, все в бегах за приработками, преподают кто где и кто что.

На моё предложение подключиться к моделированию апрельских бурь 2002-го года Кореньков ответил, что они его обсуждали и решили, что не стоит: возни, мол, много, а толку мало. Что, мол, мы будем по чужим следам ходить?

Я удивлялся: это же уникальная возможность оттестировать модель по экспериментальным данным и сравнить с моделями конкурентов. Не хоят. Не надо им никаких сравнений.

По окончании семинара я заскочил в туалет на первом этаже и обнаружил рядом на двери бывшего аппаратного зала, где ЕС-1010 стояла, вывеску: Агентство недвижимости «Победа» и заглянул туда. Видимо, из-за отсутствия других посетителей меня приветливо пригласили зайти, а я решил поинтересоваться возможной ценой квартиры на Портовой. По газетным объявлениям о продажах квартир мы с Ириной оценили в тысяч 20-24 у.е. В «Победе» мне сказали, что многое зависит от состояния квартиры, надо смотреть, но стоит она не меньше 18 тысяч у.е. (а «адвокат», то есть Тамара Александровна с Гришей якобы о 15-ти тысячах у.е. договорились).

В «Победе» я разговаривал с приятной женщиной лет сорока слегка восточной внешности, как позже выяснилось – Гулей, Гульзирой Манаповной Бекбатыровой, директором агентства. Я рассказал ей о ситуации с Гришиной квартирой, и Гуля вычислила мне Тamarу Александровну:

- Судя по всему, это Кузина, агентство недвижимости «Исток», Ленинский проспект, 8, Дама одиозная, известная личность. По судам она бегать не будет. Возможно, Вам придётся других бандитов нанимать, чтобы квартиру освободить, даже если по суду она обязана будет это сделать. Только это между нами, Вам я про неё ничего не говорила.

Я обещал не распространяться.

У агентства «Исток» на Ленинском, 8 (рядом с универмагом «Маяк») яркое крыльцо с вывеской. Меня подмывало туда зайти и, может, сфотографировать Тamarу Александровну, если я её там опознаю, но я удержался от соблазна.

Во вторник, 1 апреля с утра я побывал в БТИ (это рядом, в Калининградгражданпроекте) и выяснил, что по всем вопросам надо завтра с утра к секретарю обращаться. Оттуда в УБОП (Управление по борьбе с организованной преступностью) на Александра Невского, 40 (за университет одну остановку

надо пройти). Там меня приняли через полтора часа ожидания и сказали, что Гришино заявление, отправленное из Мурманска, передано, скорее всего, в ОВД Балтрайона, туда мне и надо обращаться. Или в прокуратуру Балтрайона. Лучше даже сразу в прокуратуру.

Поехал туда. Это рядом с военкоматом, в конце Киевской. В прокуратуре мне сказали, что это не к ним, а в ОВД надо обращаться. ОВД рядом, я туда. Там в секретариате я оставил своё заявление с просьбой помочь мне освободить квартиру моего сводного брата, прописанного в этой квартире, по доверенности которого я действую. Квартира занята неизвестно кем, кто ссылается на некую Тамару Александровну (предположительно Кузину из агентства недвижимости «Исток», домашний телефон такой-то), предъявившую мне по телефону денежные претензии к моему доверителю и назначившую мне встречу, на которую она явилась в сопровождении, которое мне не понравилось.

К своему заявлению я приложил ксерокопии Гришиной доверенности на моё имя, его отказа от предыдущих доверенностей и намерений, и его письма в УБОП, отправленного в ноябре прошлого года. В секретариате мне сказали, что про дело Костюченко они слышали, оно находится в угрозыске, а моё заявление направят куда надо в течение десяти дней.

Вечером мне домой позвонила Лида Нацвалян – вдова Коли Нацваляна, умершего в прошлом году, стала благодарить за какую-то мою помощь (я с Женей Тимофеевым ей помог связаться, когда Коля умер, их старинным другом, работавшим раньше в ПГИ, а сейчас у Пудовкина в Питере), приглашала в гости заходить. Я пообещал постараться её навестить, когда время из этой беготни выкрою.

В среду, 2 апреля с утра в БТИ толпа народу, в секретариате направили в кабинет такой-то номер за справкой о принадлежности квартиры. Там велели денежки заплатить в кассу и за справкой завтра приходить. Из БТИ я поехал в кирху за газетой «Калининградская правда» от 8 августа 2002 года, у Вани в столе лежала, забыл в прошлый раз забрать, где описывалось освобождение Гриши от бандитов, удерживавших его сразу после смерти Тамары Сергеевны, с фотографией Гиши, лежащего на диване и не пришедшего, видать, в себя от действий освободителей, да и пьяного просто, как обычно.

В кирхе я застал Коренькова с Клименко, о чём-то споривших и обрадовавшихся моему появлению. Оказалось, они продолжают обсуждать наши трубки повышенной плотности, нашли якобы изъян в моих рассуждениях и готовы ещё раз всё это пообсуждать со мной, но Клименке надо сейчас бежать, так что договорились о новой встрече в пятницу.

В тот же день звонил Серёжа Лебле после состоявшегося у него разговора накануне с Королёвым, работавшим когда-то в университете у Кочемировского, а теперь полковником ФСБ. Серёжа очень переживал по поводу моих дел с бандитами («Тебе, что, - говорит, - денег не хватает?») и консультировался по этому вопросу у Королёва, который посоветовал ему передать мне, чтобы я ни в какие прямые контакты с бандитами не вступал, а нанял бы юриста, которому бы и поручил вести дело. Что я и собирался, конечно, сделать, когда ситуация прояснится.

Конечно, в Калининграде я интересовался ледовой обстановкой на заливах, но якобы лёд уже везде сошёл или опасен. Зато в продаже появилась корюшка, я, как увидел, сразу купил, пожарил и поел с наслаждением с пивом. Причём Миша сначала заявил, что он рыбу есть не будет, а потом как навалился... А вечером Ирина ещё поднесла, так что корюшки поел вдоволь (относительно, конечно).

Уже после девяти вечера я ходил в гости к Лиде Нацвалян, снимающей квартиру на углу Пролетарской и Соммера и занимающейся на дому репетиторством английского языка с детьми и взрослыми. Попили с ней «Киндзмараули» и «Кагор», Колю помянули. Я от Тимофеева знал, что у Лиды проблемы с паспортом и пропиской. Паспорт утерян, а его без прописки не восстанавливают, прописывать же никто не соглашается даже только на время восстановления паспорта. Я просил помочь Коренькова – всё же Коля после Саенко у него работал, а тот заявил, что Лида просто денег жалеет, чтобы прописку купить. Мне же Лида сказала, что она уже один раз так прописку покупала, и её «кинули» - ни денег, ни прописки. С Лидой всю жизнь такие истории случаются.

Я Лиде рассказал про свои приключения и сказал, что, если удастся Гришину квартиру от бандитов отбить, то можно будет её там прописать на время получения паспорта. А Лида морочила мне голову сведениями о всемогуществе глистов и прочих паразитов, от которых все болезни только и есть, так что их надо гнать регулярными очищениями организма, кучу книжек мне вывалила на эту тему, от чего я утомился совершенно и едва не заснул там у неё на диване.

3-го апреля, в четверг, с утра в БТИ получил заказанную справку о принадлежности квартиры, а как дальше продвигаться к получению техпаспорта должен был узнать в секретариате, но там никого не было, и я отправился на Багратиона к нотариусу Комаровой за выпиской из наследственного дела моего отца о переходе квартиры после его смерти в собственность Тамары Сергеевны и за копией её завещания Грише. Комарова велела явиться мне к двум часам, и я поехал в Бюро приватизации, где мне подготовили заказанные копии договора о приватизации, а вот с инспекторами БТИ договориться не удалось, они отказались идти в квартиру без гарантии доступа туда.

Для получения заказанного договора о приватизации надо было оплатить в Сбербанке 445 рублей, что я и сделал, а оттуда поехал в милицию, в отдел участковых, куда было передано моё заявление. Начальник отдела заявил, что участковых у него не хватает, и заявление моё он ещё не рассматривал, но поручит его, скорее всего, Юле Модиной, с которой я и должен буду через пару дней

связаться. Из милиции я поехал домой, но на всякий случай решил ещё раз попробовать заглянуть в БТИ, может, секретарь там появилась.

Секретаря на месте по-прежнему не было, но была открыта дверь к главному инженеру, к которой я и обратился со своей проблемой – получить техпаспорт, не имея возможности обеспечить доступ в квартиру инспекторам БТИ.

- Это только через директора БТИ можно сделать, - сказала мне главный инженер. А кабинет директора напротив её кабинета. Я туда. Директор спрашивает у меня, какие документы я уже получил. Вот, говорю, доверенность, вот справка о принадлежности квартиры, а вот договор о приватизации, только что получил в Бюро приватизации. Начинаю рыться в своих бумагах и не могу найти этого договора, все бумаги туда сюда переложил – нету! Квитанция из Сбербанка за этот договор есть, а самого договора нет. Может, я его там в Бюро приватизации оставил? А, может, я и не заходил туда вовсе после Сбербанка? Квитанцию получил и сразу в милицию поехал вместо того, чтобы в Бюро вернуться? Не помню.

А пока я рылся в своих бумагах, директор выписала мне какую-то квитанцию и велела с ней идти в кассу оплатить полторы тысячи рублей за оформление техпаспорта по срочному тарифу без досмотра. Из кассы меня послали с квитанцией в 25-й кабинет, оттуда в 44-й, где сказали, что в пятницу, то есть завтра можно будет техпаспорт получить. Из БТИ я заскочил домой перекусить, оттуда снова к нотариусу Комаровой, у которой заказал требуемые мне документы и дал обещание предоставить им копию свидетельства о смерти Тамары Сергеевны, без которой мне ничего искать не будут.

От Комаровой опять в Бюро приватизации поехал. Там удивились: - Вы куда пропали, мужчина?

Оказывается, я и в самом деле из Сбербанка к ним за договором не вернулся. У них же там узнал, где копию свидетельства о смерти Тамары Сергеевны можно получить: в спецфилиале Отдела ЗАГС в конце проспекта Мира, за вторым кладбищем, совсем рядом с могилой моих родителей. Поехал туда. Через весь город – с Киевской в конец проспекта Мира. Там долго изучали Гришину доверенность, не находя в ней оснований выдать мне повторное свидетельство о смерти (– Это же главный документ! – разъясняли мне там, а не паспорт, как я думал), но в конце концов смиловались и велели идти в Сбербанк деньги платить.

Ближайшее отделение Сбербанка оказалось у ДК рыбаков, туда я успел до закрытия, обнаружив по дороге, что кепку оставил в спецфилиале, а вернуться туда – нет. Пришлось возвращаться следующим утром. Мне выдали повторное свидетельство о смерти Тамары Сергеевны и вернули кепку. Свидетельство я повёз к Комаровой, оставил у неё копию, она назначила мне срок явки за необходимыми мне документами – 11 апреля, то есть через неделю. А без этих документов мне в БТИ отказались техпаспорт выдать, несмотря на уплаченные полторы тысячи и на доброжелательность Эльвиры Геннадьевны, просившей меня помочь её дочери, студентке-заочнице, живущей с мужем-военнослужащим и с маленьким ребёнком в Заозерске, найти жильё в Мурманске на время сессии. Я пообещал и даже нашёл кое-что, но помощь моя не понадобилась.

Оставаться в Калининграде без конкретных дел до 11-го апреля я, конечно, не мог. И так Маше Князевой пришлось на четырёх лекциях меня заменять. Могла бы, правда, и ещё, но злоупотреблять этим никак не следует, тем более, что я Машу сам укоряю в недостаточном усердии в её научной работе. Надо возвращаться в Мурманск.

Я зашёл ещё разок в кирху на последнюю дискуссию с Кореньковым и Клименко (больше никого не было). Возразил им по поводу обнаруженного ими якобы изъяна в моих рассуждениях и вроде бы убедил их в его отсутствии. А когда они стали восклицать: - Это должно быть в эксперименте видно, почему этого в СМИ (Справочной Модели Ионосферы) нет? – то полезли в наши старые работы, где картинки из СМИ представлены, и обнаружили те же эффекты, что и у нас в расчётах получаются. Я пообещал, что к следующему разу Маша Князева, которая этим занимается, побольше в экспериментальных данных покопается, тогда и продолжим обсуждение.

Из кирхи я отправился на вокзал и взял билеты до Мурманска через Питер, а вечером ходил в гости к Шагимуратову. У Лены, его жены, было траурное настроение: недавно одна за другой умерли две её сестры. Зато внучка Арина шумно веселилась, и соседка Нина, вдова Алика, бортинженера аэрофлотовского, светилась новым счастьем – заходила со здоровенным дальнобойщиком международным, с которым теперь жила. Шагимуратов показывал мне на своём домашнем компьютере экспериментальные данные по вариациям полного электронного содержания, полученные совместно с поляками, и мне показалось, что наукой он сейчас больше занимается, чем тот же Кореньков. Он по-прежнему остаётся пока и.о. директора Западного Отделения ИЗМИРАН и якобы не хочет становиться директором, а предлагает это место Феде Бессарабу. Поживём, увидим.

В последнюю ночь перед отъездом в Мурманск я спал на диване вместе с Ваней, а Ирина – с Аней Лебле, которая ехала из Гданьска в Москву. Серёжа-то в Калининграде останавливается обычно у Жанны, своей дочери старшей от Люды, а Вовчик – сын Ани Лебле от первого брака гуляет с Аней, дочкой Жанны, то есть с внучкой Серёжи, и тоже у Жанны останавливается вместе с Серёжей, когда приезжает в Калининград.

В целом, я считаю, что съездил в Калининград успешно в части восстановления документов на квартиру, утерянных Гришей. Сегодня, например, я узнал по телефону от Комаровой, что у неё для меня

документы готовы, но с середины мая она может уйти в отпуск, так что мне нужно до этого времени их у неё получить, тогда можно будет получить и техпаспорт, после чего, кажется, у меня будет всё по списку, который мне дала нотариус Каташевич.

А вот в части Гришиных долгов я толком так ничего и не выяснил. Участковая Юлия Модина сообщила мне по телефону, что моё заявление передано в угрозыск, а начальник угрозыска сообщил, что в возбуждении уголовного дела по моему заявлению отказано и назвал, с кем надо связываться по этому вопросу 16-го апреля, то есть завтра (пишу эти строчки 15-го).

Добавлю ещё, что удручающее впечатление произвело на меня состояние родительской могилы. Похоже, что там очень давно уже никто не бывал: калитка аж в землю вросла, ящик-скамейка сгнил, краска на ограде облупилась.

Ирина в общении со мной держалась сухо.

В Мурманске по-прежнему держится тёплая солнечная погода, всё тает, и вчера (в понедельник) днём я катался на лыжах, по-видимому, в последний раз: скольжение резко ухудшилось, на озёрах сплошные лужи, в городе весь накопившийся за зиму мусор вылезает из-под грязного снега. В пять часов утра уже светло, а в десять вечера ещё светло, полярный день стремительно удлиняется.

На этом кончаю своё длинное послание. Мы с мамой целуем тебя и Леночку.

Папа

Письмо Мити от 14 апреля 2003 г.

Привет!

Тёплый март сменился неожиданно холодным апрелем; на этой неделе поутру выпадал даже снег. Но сегодня (воскресенье) весна снова вернулась, и температура достигла 20 градусов. На эти выходные Лена ездила в Ветцлар (откуда взяла велосипед), а я занимаюсь уборкой дома. Днём, впрочем, встречался в городе с Мари и Майклом – пили радлер в гавани, болтали о том о сём. Они две недели назад переехали из общежития в двухкомнатную квартиру в Литцельштеттене (поселок следом за Майнау на берегу озера), и заканчивают её обустройство.

В прошлые же выходные мы ездили в Мюнхен. В пятницу я вместе со Штефаном (нашим аспирантом, его родители живут недалеко от Битигхайма) доехал до Битигхайма, а на следующее утро мы с Леной из Штуттгарта за два с небольшим часа добрались до Мюнхена. Я заранее зарезервировал нам комнату в отеле недалеко от вокзала, куда мы сразу и отправились. Из отеля пошли гулять по городу. Прогулку немного омрачал холодный сильный ветер, тем не менее, гуляли мы в центре города часа четыре.

Около ратуши обедали в традиционно баварском ресторане, где нам подали абсолютно убойные порции свинины, которые мы не смогли полностью осилить. Забавную картину наблюдали в парке (Englisches Garten): в бурном потоке небольшой речки тренировались сёрфингисты. С набережной они прыгали в поток, пытались удержать равновесие на основном перекате. Более десяти секунд это не длилось, и их уносило потоком метров на тридцать. Удовольствие сомнительное, тем более что температура как воздуха, так и воды была около нуля (хоть они и в гидрокостюмах).

На следующий день мы неспеша позавтракали в отеле, потом поехали в IMAX кино (трехмерное), но предлагаемая программа нам не понравилась, и мы поехали в Новую Пинакотеку – собрание произведений искусства XVII-XX веков. Особо интересный зал импрессионистов – Моне, Сезанн, Ван-Гог, а также Густав Климт. После Пинакотеки времени оставалось уже немного, мы ещё посидели в кафе на ратушной площади, и поехали обратно в Штуттгарт.

На следующие выходные у нас пасха – 4 дня каникул. Сначала мы думали, что к нам приедут Оля и Бернд, но похоже, что этого визита не будет. Будем сидеть дома (или гулять по окрестностям).

На работе – поток экспериментов. Вернулась из Киева Иванна, нога у неё всё болит. На прошлых неделях мне также помогала Чам, моя потенциальная дипломница, а вскоре её сменит Йоахим, ещё один будущий дипломник.

Это вкратце наши новости. Целуем.

Митя, Лена.

Письмо Мити от 22 апреля 2002 г.

Привет!

У нас только что закончились пасхальные каникулы (с пятницы по понедельник).

На этот раз мы не предпринимали ничего значительного. В пятницу встречались с Майклом и Мари на Майнау, где сейчас самый замечательный сезон; море тюльпанов самых разных цветов покрывает весь южный склон основного холма, к тому же цветут фруктовые деревья. Вечером были у них в гостях. Они живут в Литцельштеттене в большой двухкомнатной квартире (с отдельными комнатами и кухней), которую обставили уже мебелью из ИКЕА (весьма простой, только самое необходимое).

В субботу занимались закупками, а вечером ходили в кино на фильм «Фрида» о мексиканской художнице Фриде Калло. Фильм понравился, особенно игра исполняющей главную роль Сальмы Хайек (показывающей постоянную борьбу с последствиями искалечившей её автокатастрофы и очень непростое замужество с художником и революционером Диего Риверой).

В воскресенье мы выезжали дважды на велосипедах, сначала в Вольматинген Рид, а потом на Райхенау. На обед приходили Мари и Майкл. Вчера же снова были на Майнау. На следующей же неделе мы планируем взять отпуск и поехать в Италию. Хотим дня два-три побыть в Риме, а потом поехать к Кьяре в Ливорно, и в субботу возвратиться назад. Уже взяли билеты на поезд (едем ночью с воскресенья на понедельник из Цюриха).

На работе череда неудачных экспериментов, надеюсь, что скоро эта полоса кончится.

Это главные наши новости. Целуем. Митя, Лена.

P.S. Thank you and mama for interesting letters.